

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.2>

UDC 343.101
LBC 67.410.2

Submitted: 24.06.2023
Accepted: 26.08.2023

THE INVESTIGATIVE PROCEDURE FOR BRINGING CHARGES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CAUSES OF OCCURRENCE

Sergey B. Rossinsky

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction. The reasonableness of the currently existing investigative procedure for lodging a criminal claim (bringing charges), subject to further consideration and resolution through justice, is one of the most controversial issues related to the criminal procedural regulation of the preliminary investigation. In this regard, the **purpose** of the paper is to identify the true reasons that predestined the granting investigators of the authority to make a decision on an indictment as a defendant and to draw up the indictment. **Methods.** The methodological framework for the work consists of general scientific (dialectical, systemic, structural-functional, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal, historical-legal, prognostic, etc.) research methods. The **results** of the study have made it possible to link the emergence of an investigative procedure for lodging a criminal claim with a negative assessment of the work of the pre-revolutionary prosecutor's office, including the mechanisms of prosecutorial supervision of the preliminary investigation, by persons responsible for the formation of early Soviet criminal justice. **Conclusions.** The views and law-making positions expressed more than 100 years ago should contribute to resolving the issue of the expediency of the investigative procedure for bringing charges or the need to transfer such powers to the prosecutor.

Key words: charge, indictment, preliminary investigation, indictment as a defendant, criminal claim.

Citation. Rossinsky S.B. The Investigative Procedure for Bringing Charges in Criminal Proceedings: Causes of Occurrence. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 14-20. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.2>

УДК 343.101
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 24.06.2023
Дата принятия статьи: 26.08.2023

СЛЕДСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК ВЫДВИЖЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права РАН, г. Москва, Российская Федерация

Введение: разумность существующего в настоящее время следственного порядка выдвижения уголовно-правовой претензии (обвинения), подлежащей дальнейшему рассмотрению и разрешению посредством правосудия, – один из наиболее дискуссионных вопросов, связанных с уголовно-процессуальным регулированием предварительного следствия. В этой связи **цель** настоящей статьи состоит в выявлении подлинных причин, предопределивших наделение следователей полномочиями по вынесению постановления о привлечении в качестве обвиняемого и составлению обвинительного заключения. **Методы:** методологическую основу работы составляют общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональ-

ный, логический и др.) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, прогностический и др.) методы исследования. **Результаты** исследования позволили связать возникновение следственного порядка выдвижения уголовно-правовой претензии с негативной оценкой ответственными за формирование раннесоветской уголовной юстиции лицами работы дореволюционной прокуратуры, в том числе механизмов прокурорского надзора за предварительным расследованием. **Выводы:** высказанные более 100 лет назад взгляды и правотворческие позиции должны поспособствовать решению вопроса о целесообразности следственного порядка выдвижения обвинения либо необходимости передачи подобных полномочий в ведение прокурора.

Ключевые слова: обвинение, обвинительное заключение, предварительное следствие, привлечение в качестве обвиняемого, уголовно-правовая претензия.

Цитирование. Россинский С. Б. Следственный порядок выдвижения обвинения в уголовном судопроизводстве: причины возникновения // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 14–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.2>

Введение

Предварительное расследование, являясь одной из системообразующих стадий российского уголовного процесса, всегда находилось и продолжает находиться в фокусе самого пристального внимания ученых, а связанные с ним проблемы побуждали и продолжают побуждать к множеству споров и полемических обсуждений. Тем более, что ввиду известных причин на сегодняшний день наблюдается объективная потребность в существенном преобразовании свойственных ему процессуальных механизмов, в постепенном внедрении какой-то новой модели «следственного» этапа производства по уголовному делу, с одной стороны, отвечающей правовым ценностям цивилизованного государства, а с другой – исходящей и национальных традиций и богатого опыта дореволюционной, советской и даже постсоветской уголовной юстиции.

Причем один из наиболее актуальных вопросов, возникающих в этом сегменте уголовно-процессуального регулирования, касается субъектов и порядка выдвижения в отношении лица обвинения (обвинительного тезиса), то есть той самой, подлежащей дальнейшему рассмотрению и разрешению посредством правосудия уголовно-правовой претензии, которая и определяет сам смысл, само предназначение предварительного расследования [5, с. 34]. Особую остроту данный вопрос приобретает в части предварительного следствия, предполагающего усложненный, как бы двухэтапный порядок реализации соответствующих полномочий, сводящийся к

формулированию обвинительного тезиса в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и его последующем «засиливании» в обвинительном заключении. В юридических публикациях выражаются самые разные научные позиции: от уподобления следственного порядка досудебного привлечения к уголовной ответственности упрощенному механизму дознания [2, с. 10] до его сохранения в неизменном виде [4, с. 734; 5, с. 39]. А отдельные авторы предлагают более кардинальные преобразования – передачу всех связанных с реализацией функции обвинения государственно-властных полномочий в ведение прокурора [1, с. 13–14], в том числе исключение любых связанных с выдвижением обвинительного тезиса процедур из орбиты предварительного расследования и их возведения в ранг самостоятельной и полноценной стадии российского уголовного процесса [3, с. 135].

Последние позиции фактически предполагают не что иное, как возвращение к дореволюционным механизмам, которые впоследствии были упразднены в связи с формированием советской властью несколько другой, «отвечающей интересам революции» модели уголовной юстиции. Ведь согласно Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., подобные полномочия возлагались не на судебного следователя, а на прокурора; именно ему в случае уверенности в необходимости передачи уголовного дела в суд предписывалось составлять собственное заключение в форме обвинительного акта, указывать в нем сведения о содержащем признаки преступления событии, об его времени и месте, данные об обвиняемом, обвинительные доказатель-

ства и улики, а также уголовно-правовую оценку (квалификацию) содеянного.

Поэтому оценивать целесообразность и жизнеспособность столь «новаторских», а по сути ренессансных позиций возможно лишь уразумев подлинные причины, некогда вынудившие законодателя ввести используемые по сей день следственные механизмы выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Стремление досконально разобраться в таких причинах и побудило автора к подготовке настоящей статьи.

Причины, побудившие к введению следственного порядка выдвижения в отношении обвиняемого уголовно-правовой претензии

Полномочия по официальному выдвижению в отношении обвиняемого уголовно-правовой претензии и составлению обвинительного заключения были изъяты из компетенции прокурора и переданы органам предварительного следствия, а позднее – и органам дознания еще в период формирования раннесоветского уголовно-процессуального права. Уже «пробный» Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. предписывал следователю при наличии достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, выносить соответствующее постановление; ему же по завершении предварительного следствия поручалось составлять обвинительное заключение.

Вместе с тем Кодекс лишь «узаконил» эти идеи, ввел их в сферу законодательного регулирования, одновременно установив четкие правила их реализации. Тогда как в реальности подобные правотворческие инициативы возникли еще за несколько лет до начала работы над его проектом. Впервые они получили нормативное воплощение в изданном в марте 1918 г. известном Декрете о суде № 2¹, в течение нескольких последующих месяцев использовавшемся в качестве «временных Основ уголовного судопроизводства». Так, в соответствии с п. 22 Декрета прокурорские обвинительные акты отменялись – их предписывалось заменить постановлениями учрежденных сразу после революции следствен-

ных комиссий. В дальнейшем следственные комиссии были ликвидированы, предварительное расследование – вновь отнесено к единоличному ведению народных следователей. Однако, несмотря на учреждение в 1922 г. советской прокуратуры, полномочия по выдвижению в отношении лица уголовно-правовой претензии так и остались атрибутом не прокурорской, а именно следственной деятельности.

Чем же можно объяснить возникновение подобных идей и соответствующих правотворческих инициатив в самые первые месяцы существования советской власти? Для ответа на данный вопрос необходимо внимательно проанализировать предшествующие изданию Декрета о суде № 2 обстоятельства.

Следует вспомнить, что работа по подготовке Декрета находилась в зоне сильного влияния левых социалистов-революционеров (эсеров) и осуществлялась под общим руководством члена этой партии И.З. Штейнберга, занимавшего в конце 1917 г. – начале 1918 г. пост Народного комиссара юстиции РСФСР. Ведь в силу известных коалиционных договоренностей «портфель» юстиции в сформированном после революции Совете народных комиссаров (Совнарком) практически сразу достался левым эсерам. Именно их идеи во многом и стали определяющими для самых первых постреволюционных преобразований в области судостроительства и судопроизводства.

Однако замыслы по реализации подобных идей не ограничивались лишь декретным правотворчеством. На самом деле представители левозэсеровской партии вынашивали более глобальные планы. Они намеревались в достаточно сжатые сроки разработать и ввести в действие новый Свод законов русской революции – систематизированный «пакет» кодифицированных нормативных актов. В этих целях в Народном комиссариате юстиции РСФСР (Наркомюсте) даже был организован специальный кодификационный отдел, вверенный левому эсеру А.А. Шрейдеру².

В частности, к середине февраля 1918 г. был подготовлен проект Устава уголовного судопроизводства РСФСР³. По замыслам разработчиков он предполагался для установления единой процессуальной формы предварительного расследования и судебного разби-

рательства по всем категориям уголовных дел, в том числе по делам, отнесенным к компетенции революционных трибуналов. Другими словами, им планировалось заменить формально никем не отмененный, но фактически уже не применяемый Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года.

Правда, подготовленный документ не обладал полноценным комплексом свойств кодифицированного источника процессуального права – он не предусматривал раздела, посвященного предварительному следствию. По всей вероятности, разработчики проекта Устава изначально предполагали разделить процесс его подготовки, принятия и введения в действие на два или даже несколько этапов: уже существующую часть документа незамедлительно «запустить в работу», а к оставшимся положениям возвратиться в более «спокойное» и подходящее время. В этой связи к документу прилагался проект еще одного нормативного акта – Постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (ВЦИКа), предполагающего использование в переходный период – «впредь до введения Устава уголовного судопроизводства РСФСР в полном объеме» – дореволюционного порядка предварительного следствия⁴.

Вместе с тем абсолютное сохранение прежнего порядка досудебного производства в неизменном виде авторам проекта Устава представлялось совершенно невозможным, недопустимым ни при каких условиях. Поэтому в проекте указанного Постановления ВЦИКа предусматривался и ряд существенных поправок во временно не подлежащий отмене раздел второй книги второй Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года. В первую очередь такие поправки были связаны с активно продвигаемыми партией левых эсеров идеями об упразднении существующих с 1860 г. судебных следователей как единоличных, наделенных индивидуальной юрисдикционной правосубъектностью участников уголовно-процессуальных правоотношений и передаче соответствующих полномочий в коллегиальное ведение следственных комиссий. Исходя из приложенной к проекту постановления ВЦИКа объяснительной записки ру-

ководителя (главного редактора) кодификационного отдела Наркомюста А.А. Шрейдера и его заместителей Н.Ф. Тераевича и Н.К. Змирлова от 19 (6) февраля 1918 г.⁵, указанные идеи предопределялись весьма негативной оценкой практики работы российских судебных следователей – как извратившей смысл судебной реформы 1860-х гг. и не оправдавшей возложенных надежд.

В частности, отмечалось, что замыслы императора Александра II и других инициаторов реформы были направлены на появление подлинно самостоятельных и независимых судебных следователей, процессуально подконтрольных лишь окружному суду, на введение данного института как краеугольного камня правосудия, изначально способствующего исчезновению из практики уголовного судопроизводства «гоголевской волокиты», «кривды», других присущих ей деструктивных черт, тогда как в реальности подобных позитивных результатов добиться не удалось. Причем причины указанных неудач А.А. Шрейдер, Н.Ф. Тераевич и Н.К. Змирлов во многом связывали с механизмами прокурорского надзора (в терминологии тех лет – наблюдения за ходом следствия). Заявлялось, что изначально «будучи достойным помощником», действительно содействующим установлению истины, прокурорский надзор со временем превратился в инструмент подавления самостоятельности и независимости судебных следователей.

Одновременно указывалось, что пронизанные идейно-общественным подъемом 1860-е гг. способствовали воспитанию ряда выдающихся, ставших весьма близкими к народу, буквально слугами народа, и заслуживших должный авторитет судебных следователей, однако «с легкой руки министра юстиции – генерал-прокурора Н.В. Муравьева началось изумительное искажение Судебных уставов». Говорилось о появлении исправляющих должности (в современной терминологии – исполняющих обязанности) судебных следователей, подлежащих отстранению от работы, переводу на другое место службы и т. д. не по собственному желанию или решению окружного суда, а по указанию назначившего их министра; упоминалось и об учреждении должностей важнейших и особо важ-

ных следователей, избираемых не в установленном для участкового следователя порядке, а общим собранием всех отделений окружных судов по сугубо формальным основаниям. Кроме того, подчеркивалось, что таким следователям обычно и поручались наиболее громкие, в первую очередь политические процессы, а выбор одного из них для участия в том или ином уголовном деле находился в ведении прокуратуры во главе с все тем же министром юстиции – генерал-прокурором. И в этой связи высказывались весьма негативные оценки прокурорского надзора как деятельности, постепенно потерявшей свой высокоидейный характер и ставшей не только близкой, но и прямо зависимой от административной власти. Отдельно говорилось о распространенности шаблонных обвинительных актов, нередко не соответствующих результатам предварительного следствия, о разрастании практики «бесцельного и напрасного» возвращения прокурорами уголовных дел следователем, в первую очередь для маскировки пропущенных сроков направления материалов законченного досудебного производства в суд, то есть уклонения от ответственности за свои неправомерные действия и т. д.

В итоге авторы объяснительной записки пришли к неутешительным выводам: а) об ухудшении качества уголовного правосудия в целом и предварительного следствия в частности; б) о возвращении в правоприменительную практику «медлительности, волокиты и даже кривды»; в) об утрате правосудием народного доверия и ценности как юридического регулятора жизнедеятельности; г) о необходимости «незамедлительного строительства на развалинах разрушенного революцией суда нового храма Правосудия». Они справедливо полагали, что возможность успешного осуществления предлагаемых преобразований находится в прямой зависимости от уразумения действительных потребностей времени и принятия во внимание не только сугубо теоретических соображений, но и накопленного опыта, исторических традиций и практических данных, в связи с чем разумно настаивали на безусловном сохранении подготовительной стадии уголовного процесса в форме предварительного следствия.

Вместе с тем они считали, что такую деятельность можно доверить лишь коллегиальному субъекту уголовного судопроизводства – специальной следственной комиссии, состоящей из трех избираемых народом представителей. Кроме того, отмечалось, что таким комиссиям надлежит раз и навсегда избавить от вмешательства административной власти и зависимости от прокурорского надзора, а по политическим делам – от жандармской полиции. Взамен предлагалось активнее привлекать к сотрудничеству, в том числе к участию в безотлагательной охране следов преступления, государственные и общественные учреждения, включая рабочие, солдатские и крестьянские организации и комитеты, то есть «новые и весьма неприятные для капиталистов и преступников ячейки» советского социума.

Коллегиальность работы следственной комиссии оценивалось как важнейшее условие, оберегающее от промахов и ошибок, от неверных решений о лишении свободы, проведении обысков, других весьма обременяющих граждан процессуально-принудительных мер. Одновременно говорилось о необходимости отвыкнуть от практики составляемых по шаблону прокурорских обвинительных актов и их утверждений обвинительными камерами, зачастую занимавшимися лишь бездумным «штемпелеванием» указанных документов; также обращалось внимание на бессмысленность, «непроизводительность» и необоснованную длительность передачи окончанных производством предварительных следствий по инстанциям: от следователя – к участковому товарищу прокурора, от него – к прокурору суда, потом – через руки камерного товарища прокурора – к прокурору Палаты, а затем – возвращение в суд посредством механизмов прокурорского надзора.

Вместо этого предлагалось предоставить возможность направления уголовного дела в суд самой следственной комиссии, наделив ее правом составления соответствующего постановления с изложением в нем необходимых для судебного разбирательства сведений. Таким образом авторы рассчитывали сократить сроки досудебного производства, обеспечить возможность выявления и быстрого устранения допущен-

ных в ходе предварительного следствия дефектов и погрешностей, оперативного дополнения проведенного расследования, не ожидая соответствующих указаний прокуратуры. Этим же планировалось не допускать существовавших до революции трудностей, связанных с недостаточным профессионализмом и неопытностью многих прокурорских работников. И, наконец, предлагаемый подход, по мнению авторов, должен был способствовать большей продуктивности обеспечения обвиняемому права на защиту как необходимого условия осуществления правосудия в демократическом государстве, «важного рычага, могущего повернуть жизнь в недалеком будущем в лучшую сторону».

Выводы

Разработанный в начале 1918 г. проект Устава уголовного судопроизводства РСФСР так и не был воплощен в жизнь. Вместо этого было решено на некоторое время отказаться от реализации столь глобальных планов новой кодификации уголовно-процессуального права и ограничиться принятием очередного «судебного» декрета – Декрета о суде № 2, отразившего многие левозесеровские идеи о развитии уголовной юстиции в весьма урезанном виде.

Однако в любом случае ясно одно: предложенная новация, предполагающая изъятие полномочий по формулированию позиции государственного обвинения и составлению обвинительного акта (заключения) из компетенции прокурора и их возложении на следственный аппарат, через несколько лет получила официальное законодательное признание, а затем прочно укоренилась в советской и даже постсоветской правоприменительной практике – в настоящее время она уже воспринимается как само собой разумеющаяся аксиоматическая данность. Именно с легкой руки левых эсеров дореволюционные прокурорские полномочия по вынесению обвинительных актов сначала были переданы следственным комиссиям, а затем постепенно трансформировались в существующие по сей день процедуры привлечения в качестве обвиняемого и составления обвинительного заключения.

И таким образом, высказанные в начале 1918 г. взгляды и праяворческие позиции

могут стать хорошими аргументами в ведущейся на протяжении последних лет дискуссии о сохранении / изменении существующего порядка выдвижения в отношении обвиняемого уголовно-правовой претензии, в частности использоваться при обосновании необходимости либо, наоборот, ненужности предлагаемой некоторыми учеными передачи всех связанных с реализацией функции обвинения государственно-властных полномочий в ведение прокурора, в том числе исключения механизма досудебного привлечения к уголовной ответственности из орбиты предварительного следствия и ее возведения в ранг самостоятельной и полноценной стадии российского уголовного процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О Суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

² См.: План работы Народного Комиссариата Юстиции // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 171.

³ См.: Государственный архив РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 166. Л. 1–37.

⁴ См.: Там же. Л. 43–50.

⁵ См.: Там же. Л. 38–42.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, А. М. Предъявление обвинения – исключительная функция прокурора / А. М. Баранов, К. А. Наумов // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. – Омск : Омская академия МВД России, 2022. – С. 11–14.

2. Гаврилов, Б. Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б. Я. Гаврилов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 7–14.

3. Ковтун, Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 123–137.

4. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – 2-е изд., испр. – М. : Статут, 2017. – 1280 с.

5. Химичева, О. В. Институт привлечения в качестве обвиняемого в контексте совершенствования досудебного производства / О. В. Химичева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 7. – С. 36–42.

REFERENCES

1. Baranov A.M., Naumov K.A. Predyavlenie obvineniya – isklyuchitelnaya funkciya prokurora [Bringing Charges – The Exclusive Function of the Prosecutor]. *20 let dejstviya Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: uroki i perspektivy: tezisy dokladov i soobshchenij mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [20 Years of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Lessons and Prospects: Abstracts of Reports and Reports of the International Scientific and Practical Conference]. Omsk, Omskaya akademiya MVD Rossii, 2022, pp. 11-14.

2. Gavrilov B.Ya. XX let rossijskomu ugolovno-processualnomu zakonu: sootvetstvuet li on nauchnym vozzreniyam i trebovaniyam pravoprimenitelya [20 Years of the Russian Criminal Procedure Law: Does It Correspond to the Scientific Views and Requirements

of the Law Enforcement Officer]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2021, no. 6, pp. 7-14.

3. Kovtun N.N. Formirovanie gosudarstvennogo obvineniya kak samo-stoyatel'naya stadiya ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii [Formation of Public Prosecution as an Independent Stage of Criminal Proceedings in Russia]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2019, no. 9, pp. 123-137.

4. Golovko L.V., ed. *Kurs ugolovnogo processa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow, Statut Publ., 2017. 1280 p.

5. Himicheva O.V. Institut privlecheniya v kachestve obvinyaemogo v kontekste sovershenstvovaniya dosudebnogo proizvodstva [Institute of Involvement as an Accused in the Context of Improving Pretrial Proceedings]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2023, no. 7, pp. 36-42.

Information About the Author

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Chief Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure, and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Znamenka St, 10, 119019 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права РАН, ул. Знаменка, 10, 119019 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>